иногда суеверие, ополчающееся на суеверие. Народ афинский, священнослужителями возбужденный, писания Протагоровы запретил, велел все письма оных собрать и сжечь. Не он ли в безумии своем предал смерти, на неизгладимое во веки себе поношение, вочеловеченную истину, Сократа? В Риме находим мы больше примеров такового свирепствования. Тит Ливий повествует, что найденные во гробе Нумы писания были сожжены повелением сената. В разные времена случалось, что книги гадательные велено было относить к претору. Светоний повествует, что кесарь Август таковых книг, велел сжечь до двух тысяч. Еще пример несобразности человеческого разума. Неужели, запрещая суеверные писания, властители сии думали, что суеверие истребится? Каждому в особенности своей воспрещали прибегнуть к гадавию, совершаемому нередко на обуздание токмо мгновенное грызущей скорби, оставляя явные и государственные гадания авгуров и аруспициев. Но если бы во дни просвещения возмнили книги, учащие гаданию или суеверие проповедающие, запрещать или жечь, не смешно ли бы было, чтобы истина приняла жезл гонения на суеверие? Чтоб истина искала на поражение заблуждения опоры власти и меча, когда вид ее один есть наижесточайший бич на заблуждение? Но кесарь Август не на гадания одни простер свои гонения, он велел сжечь книги Тита Лабиения. "Злодеи, говорит Сенека ритор, изобрели для него сие нового рода наказание. Неслыханное дело и необычайное - казнь извлекать из учения. Но по щастию государства сие разумное свирепствование изобретено после Циперона. Что быть бы могло, если бы троеначальники [триумвиры Август, Антоний, Лепид за благо положили осудить разум Цицерона? Но мучитель скоро отомстил за Лабиения тому, кто исходатайствовал сожжение его сочинений. При жизни своей видел он, что и его сочинения преданы были огню «» (306—309).

Бекман указывает под строкой, а иногда и цитирует свои источники: «Диоген Лаэртийский, Цицерон (О природе богов), Лактанций (О гневе), Евсевий, Минуций Феликс, Т. Ливий, Плиний, Плутарх, Валерий Максим», Радищев все эти ссылки пропустил, но известие о Лабиене он удержал, опять-таки переделав. Векман пишет: «Всю историю сполна рассказывает Сенека ритор. . . Против него [Лабиена] впервые придумали новое наказание, ибо чрез врагов его удалось достигнуть сожжения всех его книг. Дело новое и выходящее из ряда вон — подвергнута казни паука. К счастью, клянусь, что эта замысловатая жестокость изобретена после Цицерона. Ведь что произошло бы, если бы триумвирам угодпо было наложить запрет на ум Цицерона. Того, кто изрек это суждение против писаний Лабиена, впоследствии собственные писания сожжены были при его жизни, не по дурному примеру, а по его собственному». Сюда Радищев дает примечание под строкой, извле-

^{1 «}Die ganze Geschichte erzählt Seneca der Redner» и дает цитату: «In hunc [Labienum] primum excogitata est noua poena, effectum est enim per